ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

КЪ ИСТОРІИ МОЛОКАНСКОЙ (ЖИДОВСТВУЮЩЕЙ) СЕКТЫ ВЪ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Изъ записокъ сельскаго священника села Балыклейскаго пятидесятыхъ годовъ).

Время появленія Молоканъ въ селѣ Балыклейскомъ.

Изъ документовъ, хранящихся въ архивѣ Вознесенской церкви съ 1843 года, съ тѣхъ поръ какъ основанъ первый молитвенный домъ оказывается, что въ то время были уже молокане субботники. Между тѣмъ село Балыклейское, прежде бывшій незначительный хуторокъ, принадлежавшій къ приходу Христорождественской церкви села Балыклейскаго, Саратовской губерніи, Царицынскаго уѣзда въ нагорной сторонѣ, постепенно населялось гораздо прежде 1843 года. А потому и свѣдѣнія о первыхъ поселенцахъ единственно можно заимствовать отъ старожилыхъ поселянъ, переѣхавшихъ въ луговую сторону, въ нынѣшній Царевскій уѣздъ, изъ горнаго села Балыклейскаго.

Весьма не много осталось въ приходѣ моемъ такихъ стариковъ, которые разсказывали мнѣ о первыхъ молоканахъ села Балыклейскаго. Сказанія ихъ весьма темны и малоудовлетворительны потому уже, что они неграмотны, что въ то время, когда явились первые поселенцы въ луговой сторонѣ, эти старцы были молодыми парнями. Вотъ что я узналъ отъ нихъ. Болѣе семидесяти лѣтъ какъ стало населяться нынѣшнее село Балыклейское. Первое семейство, переѣхавшее за Волгу, было вмѣстѣ и главнымъ корнемъ жидовства въ селѣ Балыклейскомъ. Кирьянъ (Кириакъ) Ѳаддеевъ Колебошинъ, глава переѣхавшаго семейства, былъ первымъ начетчикомъ у Балыклейскихъ молоканъ и даже, когда уже было въ хуторкѣ семей пять молоканскихъ, Кирьянъ подавалъ вѣдомости священнику горнаго села Балыклейскаго о родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ молоканахъ, привозя при семъ въ видѣ гостинца батюшкѣ—возъ пшеницы, гусей, утокъ. Завидуя заволжскому приволью, вскорѣ

стали переселяться много семей изъ горнаго села. Явились и православные и молокане. *) Прежняя глушь, далекое разстояніе села отъ села, рѣдкій проѣздъ начальства, все это развязало молоканамъ руки. Они стали собираться небольшими кружками въ пятницу вечеромъ и въ субботу по утру въ одну какую нибудь просторную избу и тамъ по своему молились. Хуторяне изъ христіанъ изъ любопытства хаживали къ молоканамъ взглянуть—что дѣлаютъ и послушать—что поютъ и читаютъ. Субботники не обижались на нихъ и не стѣснялись присутствіемъ ихъ при совершеніи нѣкоторыхъ обрядовъ—напр. вѣнчанія и похоронъ. Сколько ни доводилось выспрашивать у стариковъ, видѣли-ли они какъ молокане совершаютъ обрѣзаніе, увѣряютъ, что не видѣли, да и незнаютъ хорошенько: были-ли первые молокане, переселившіе изъ села Балыклейскаго за Волгу, обрѣзаны. Разсказываютъ только, что спустя нѣсколько лѣтъ, когда уже было болѣе двадцати семействъ православныхъ и молоканъ въ хуторѣ, явился въ это мѣсто неизвѣстно откуда какой-то жидъ, природный жидъ, раввинъ-ли онъ былъ, или просто пройдоха, неизвѣстно; сталъ жить у молоканъ и, какъ разсказываютъ, первый началъ обрѣзывать молоканъ и учить ихъ, какъ нужно дѣлать эту операцію. Боясь огласки отъ православныхъ хуторянъ, жидъ въ скоромъ времени скрылся. Хуторъ постепенно увеличивался. Стало извѣстно правительству, что въ хуторѣ Балыклейскомъ появились молокане; пріѣзжаетъ чрезъ нѣсколько времени исправникъ, сзываетъ сходъ и спрашиваетъ: кто православные, кто молокане? Послѣдніе объявили—сколько ихъ. Православные хуторяне указали на попа Кирьяна и жаловались, что онъ завлекаетъ въ свою ересь мирныхъ хуторянъ. Послѣ этого произведено было слѣдствіе о совратителѣ, молоканъ увѣщевали, но ничего съ ними не могли подѣлать.

Въ 1836-мъ году въ горное село Балыклейское назначенъ былъ миссіонеръ—іеромонахъ Палладій для увѣщанія молоканъ.

*) Горное село Балыклейское, заселенное въ давнія времена козаками, какъ видно изъ книги Г. Леопольдова „Описаніе Саратовскаго края“, для охраненія Россіи отъ нападенія Киргизъ-Кайсаковъ, послѣ бунта Емельки Пугачева, по распоряженію правительства заселено было госуд. крестьянами Владимірской губерніи и Коломенскаго уѣзда Московской, откуда и пришли первые два субботника Лазарь и Шмель.

Послѣ многихъ усилій ему удалось при содѣйствіи Царицынскаго исправника, волостнаго головы и писаря Кондратьева крестить всѣхъ молоканъ, какіе были въ селѣ Балыклейскомъ и за Волгой въ хуторѣ. Но эти новые христіане, принявшіе крещеніе по принужденію, были по имени только христіанами. Въ послѣдствіи они надѣлали мѣстнымъ священникамъ много хлопотъ и вотъ какимъ образомъ: дѣвочки, крещенныя въ шести и пятилѣтнемъ возрастѣ, по совершеннолѣтіи выходили за мужъ за чистоправославныхъ жениховъ и потомъ, по какому-то странному и непонятному вліянію, какое имѣютъ женщины-молоканки на своихъ мужей, совращали ихъ въ жидовство. Вотъ уже при моемъ поступленіи въ этотъ приходъ былъ примѣръ—жена выкрещенная изъ молоканъ совратила мужа своего чистоправославнаго въ жидовство. Есть два-три такихъ семейства, гдѣ жена коренная православная, а мужъ изъ крещеныхъ молоканъ; благодаря Бога эти семейства держатся Православія, хоть и не такъ искренно, по милости женщины-христіанки.

Въ 1843-мъ, 44-мъ и 45-мъ годахъ болѣе 12-ти семей молоканскихъ, крещенныхъ въ селѣ Балыклейскомъ въ 1836-мъ году и снова совратившихся, присоединено было мѣстными священниками—Даговымъ и Волконскимъ къ Церкви, но въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ они снова обратились въ прежнюю ересь.

Очевидцы, изъ коихъ одинъ мой старшій причетникъ, разсказывали мнѣ какъ происходило обращеніе молоканъ въ 1836 году въ вѣру Христову и какъ крестили ихъ. Цѣлый мѣсяцъ жилъ о. Палладій въ горномъ селѣ Балыклейскомъ и въ присутствіи мѣстнаго причта: священника о. Луки Кинарейкина, дьякона Я. Венусова, Царицынскаго исправника Балясникова, волостнаго головы Дмитріева и писаря Кондратьева, человѣка богатаго и вліятельнаго, дѣлалъ увѣщанія часа по четыре и больше, утромъ и вечеромъ, дѣлалъ увѣщанія, т. есть читалъ молоканамъ разныя мѣста изъ Библіи и Толкованной Псалтири, объяснялъ непонятныя мѣста, спрашивалъ—какъ они понимаютъ извѣстное мѣсто и къ чему относятъ такое-то мѣсто,—молоканѣ

упорно молчали или твердили, что съ своими убѣжденіями въ вѣкъ не разстанутся. Много дней повторялась одна и та же сцена и повторялась-бы долго, если бы писарь Кондратьевъ не принялъ горячаго участія въ этомъ дѣлѣ. Въ одинъ день писарь говоритъ о. Палладію: „Ваше Преподобіе, позвольте-ка намъ увѣщевать жидовъ, мы скорѣе вашего съ ними справимся". Тотъ позволилъ. На другой день цисарь вмѣстѣ съ исправникомъ началъ свои дѣйствія; волостной голова былъ неграмотный старикъ, умѣлъ только прикладывать накопченную печать на то мѣсто бумаги, на которое указывалъ ему плутоватый писарь, а потому во все время увѣщаній былъ безмолвнымъ свидѣтелемъ всего происходившаго. Духовныя лица помѣщались въ домѣ дьякона Венусова, а молокане на дворѣ. Писарь Кондратьевъ съ исправникомъ вызывали поочередно молоканъ въ сѣни съ такимъ присловіемъ: „хочешь креститься?" „Нѣтъ!" „Кладите его"... Мучимый болью, молоканинъ соглашался принять крещеніе. Приготовлена была большая кадушка въ домѣ дьякона Венусова, въ которой, послѣ помянутыхъ увѣщаній, крестили молоканъ. Изъ страха жестокихъ наказаній многіе молокане крестились добровольно, но, какъ въ послѣдствіи оказалось, эти новокрещенные *) на другой-же годъ снова оказались молоканами. Въ 1838-мъ году Саратовскою д. консисторіею снова былъ присланъ миссіонеръ для увѣщанія молоканъ, но ни одинъ изъ нихъ не изъявилъ желанія присоединиться къ Церкви Православной. Въ 1839-мъ году пріѣзжалъ, блаженной памяти, Епископъ Саратовскій Іаковъ. При всей искренности желанія обратить заблудшихъ на правый путь, при всемъ умѣньи и опытности въ дѣлѣ увѣщанія, при всей увлекательности и задушевности бесѣды съ молоканами, онъ немогъ ни одного присоединить къ Церкви. Прощаясь съ молоканами, онъ просилъ, чтобъ они добровольно ушли на жительство въ Закавказскій край, что и сдѣлали молокане, немногіе, впрочемъ.

*) Остались, правда, въ приходѣ моемъ человѣкъ восемь обоего пола крещенныхъ въ 1836-мъ году малолѣтками, но они весьма неискренніе христіане. Если и держатся Православія, то мужъ, какъ я сказалъ выше, по милости жены, природной христіанки, а жена выкрещенная изъ молоканъ, по милости мужа христіанина.

Вѣроученіе Молоканъ.

Разъ уже потому, что наличные молокане прихода моего весьма недалеки въ познаніи Божественнаго Писанія, во вторыхъ, кромѣ Славянской Библіи и переведенной на русскій языкъ Псалтири *), по которой совершаютъ свое богослуженіе, у нихъ нѣтъ никакихъ другихъ книгъ, гдѣ бы, какъ въ нашихъ катихизисахъ, изложено было кратко все вѣроученіе, при изложеніи вѣроученія молоканъ приходится руководствоваться единственно тѣмъ, что я могъ, мимоходомъ бесѣдуя съ ними, услышать.

Богъ есть единъ; Онъ создалъ въ шесть дней все, что мы видимъ: небо, землю и все что на ней движится и не движится. Ему единому должно поклоняться по ясному предписанію первой заповѣди: „Азъ есть Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ Мене". Богъ безначаленъ, безтѣлесенъ, хотя и говорятъ, что пророки—Моусей и Исаія видѣли Его тѣлесными очими въ тѣлесномъ видѣ. Богъ знаетъ всѣ дѣла и тайныя помышленія людей и въ послѣдній день міра будетъ судить живыхъ и мертвыхъ; для тѣхъ людей, кои свято исполняли Законъ Моусеевъ, уготована Богомъ лучшая жизнь на безконечную вѣчность, а кои жили на свѣтѣ беззаконно, тѣ будутъ мучиться вѣчно въ аду. Какія у молоканъ представленія о раѣ и объ адѣ,—Богъ вѣсть; говорятъ только, что одни за гробомъ будутъ вѣчно блаженствовать, другіе вѣчно мучиться.

Разъ спросилъ я молокана: какъ ты понимашь вотъ это мѣсто Писанія: „И Духъ Божій носпашеся вверху воды"? По нашему христіанскому толкованію, Духъ Божій есть третье лицо Св. Троицы, вѣдь мы, какъ вамъ нисколько извѣстно, вѣруемъ, что Богъ есть единъ, но въ трехъ Лицахъ, которыя между собой равны; а Мессію, въ Котораго вы вѣруете, называя Сыномъ Божіимъ, признаемъ вторымъ лицомъ Святыя Троицы. Молоканинъ, послѣ недолгаго молчанія, отвѣтилъ: что Духъ Божій есть тотъ

*) Есть, правда, у молоканъ „Календарь", весьма похожій, какъ видно изъ ихъ разсказовъ, на нашу „Пасхалію", по которому они узнаютъ, когда у нихъ будетъ Пасха, въ какой день случится Троица или другой праздникъ. Календарь этотъ достаютъ они какими-то тайными путями отъ польскихъ Евресвъ черезъ отставныхъ солдатъ. Дать мнѣ въ руки опасаются (хотя нѣкоторые и обѣщали) изъ боязни, чтобы я не донесъ начальству.

же Богъ, о которомъ сказано въ первомъ стихѣ: „въ началѣ сотвори Богъ небо и землю“, а что Мессія есть только Сынъ Божій, но ничуть не Богъ, какъ называете Его. Мессія этотъ придетъ, а когда и для чего? о томъ только Богъ вѣдаетъ. Вообще понятія ихъ о Мессіи безтолковы и они сами незнаютъ—кто Онъ таковъ? Молокане вѣруютъ въ бытіе Ангеловъ, но тѣлесны-ли они, или безтѣлесны, для чего существуютъ на свѣтѣ, какія отношенія ихъ къ Богу и людямъ, о томъ ничего толковаго отъ нихъ не слышалъ. Чтобы по смерти получить вѣчное блаженство, для этого нужно, насколько достанетъ силъ, исполнять Законъ Моусеевъ, а Законъ Моусеевъ, какъ я имѣлъ много случаевъ наблюдать, состоитъ вотъ въ чемъ: въ каждую пятницу вечеромъ вымыться въ банѣ, приготовить прежде солнечнаго захожденія пищу къ завтрашнему дню—субботѣ и какъ сядетъ солнце, прилично одѣвшись собраться въ просторную избу и пѣть вечерню, состоящую изъ избранныхъ псалмовъ, потомъ вставши по утру пѣть утреню, за симъ, позавтракавши, часовъ въ 10 пѣть обѣдню и наконецъ вечеромъ вечерню. Во весь субботній день молокане ничего не дѣлаютъ, такъ что еслибы какой-нибудь православный задумалъ попросить молокана отвѣсить фунтъ свѣчи, или подержать лошадь, тотъ не согласится ни за какія блага.—Нынѣ не то. Нѣкоторые молокане позволяютъ себѣ въ субботу напиваться, ѣсть поросятину жареную и холодную на православныхъ пирушкахъ и не ходить на моленье.

Въ церковной библіотекѣ есть за два года журналъ „Духъ Христіанина“, при которомъ прилагались переводы нѣкоторыхъ книгъ В. Завѣта покойнаго протоіерея Герасима Павскаго; я давалъ молоканамъ читать эти переводы и они отъ нихъ въ восхищеніи. Одна грамотная и любознательная молоканка сказала мнѣ одинъ разъ вотъ что: „батюшка, я въ прошлую субботу не ходила на моленье и въ это время читала книгу Есоирь; ужь какъ понятно и хорошо, што я и не молилась“. „Да вѣдь у васъ всѣ должны быть на моленьи“? замѣтилъ я ей“. Такъ-то такъ, да по моему лучше дома прочитать понятную книгу и помышлять о Божьемъ, чѣмъ на моленьѣ смотрѣть на мужиковъ и бабъ, кто въ какой бекешкѣ пришелъ, или та-та вонъ, голь несчастная,

нарядилась въ ситцевое платье". Помолчавъ немного, она сказала: „вѣдь я думаю, батюшка, дурное помышленье есть грѣхъ передъ Богомъ".

Разъ я пригласилъ къ себѣ одного молоканскаго начетчика въ квартиру на чашку чаю. Послѣ обычныхъ привѣтствій, церемоній, разспросовъ о томъ, каковы нынѣ корма, ягнятся-ли овцы, мерзнетъ-ли въ погребѣ капуста и огурцы, по чемъ продалъ арбузный медъ въ Дубовкѣ, здоровы-ли дѣтишки и проч., молоканинъ, выпивая третью чашку, сказалъ: „ты-бы, батюшка, почиталъ что-нибудь изъ Библіи;—я больно охочь слухать". Я взялъ Библію и сталъ читать книгу Іова. Молоканинъ слушалъ, изрѣдка оговаривая меня: „а-ты. Григорій Иванычъ, нескоро читай, вѣдь мы плохо разбирамъ". Я удовлетворилъ его желаніе. Потомъ гость мой ни-съ того—ни-съ-сего говоритъ: „а-ну-ка прочитай 13-ю главу 3-й книги Ездры?" Я раскрылъ и сталъ читать, и когда дошелъ до 41-го стиха и кончилъ 47-мъ, то молоканинъ съ сверкающими отъ удовольствія глазами обратился ко мнѣ: „Ну, что ты скажешь противъ этого мѣста—а"? Я сконфузился—какъ и что сказать гостю, потому собственно, что хотя эту книгу я нерѣдко читалъ, но при всемъ томъ, небудучи знакомъ съ Отцами Церкви, какъ слѣдуетъ, на основаніи которыхъ только и можно объяснять Св. Писаніе, я не могъ надлежащимъ образомъ понять нѣкоторыя мѣста этой книги; а профессоръ семинаріи, который преподавалъ въ мое время Св. Писаніе, если когда и говорилъ объ этой книгѣ, то обыкновенно отдѣлывался общими фразами: о писателѣ этой книги, о ея появленіи, о вопросѣ—каноническая книга эта или нѣтъ? но не касался разбора нѣкоторыхъ замѣчательныхъ мѣстъ этой книги, которыя для насъ учениковъ не могли быть удобопонятны вполнѣ безъ руководства знающаго свой предметъ профессора. Потомъ, подумавши нѣсколько, я сказалъ: „послушай; чтобы объяснить тебѣ это мѣсто, для этого нужно прочитать 1-ю, 2-ю и всю 3-ю книгу Ездры и потомъ уже толковать". Молоканинъ стоялъ на своемъ и требовалъ, чтобъ я непремѣнно объяснилъ именно это мѣсто. Я началъ было объяснять по-своему, но гость, вовсе не слушая меня, только потиралъ руки и зло улыбался, глядя

прямо мнѣ въ глаза. Положеніе мое было безвыходно и я, закрывъ Библію, сталъ просить посѣтителя объяснить мнѣ это мѣсто. И вотъ что услышалъ отъ него: „во время плѣна Вавилонскаго, по повелѣнію Господа Бога десять колѣнъ Израильскихъ были отведены какими-то тѣсными путями за рѣку Евфратъ. Эти десять колѣнъ, по особенному Божьему усмотрѣнію, будутъ жить тамъ до того времени, когда Господь Богъ придетъ судить живыхъ и мертвыхъ. Тогда эти десять колѣнъ выдутъ изъ своего мѣста и совокупившись со всѣми послѣдователями, какіе только существовали отъ вѣка Закона Моусеева, не выключая изъ этого числа, конечно, и насъ Балыклейскихъ молоканъ, будутъ жить во вѣки вѣковъ; на небѣ-ли, на землѣ-ли,— Богъ вѣсть. Выслушавъ такую дичь, я посмѣялся внутренно и, чтобы не сидѣть молча, сталъ говорить ему, что дескать на томъ мѣстѣ, гдѣ, по его толкованію живутъ десять колѣнъ Израилевыхъ, обитаютъ теперь ежи, онокентавры, летучія мыши и кое-гдѣ вдали кочуютъ полудикіе арабы и что за-ефратская страна Богомъ проклята и совершенно безплодна. Молоканинъ и недумалъ вѣрить мнѣ, и затѣмъ вскорѣ попрощался со мной.

Живя около трехъ лѣтъ въ селѣ Балыклейскомъ и не очень часто бесѣдуя съ молоканами, по той простой причинѣ, что они большую часть года роются въ землѣ или возятся на базахъ съ скотиной,—не могъ услышать отъ молоканъ объ ихъ вѣроученіи болѣе того, о чемъ сказалъ выше.

О праздникахъ и обрядахъ.

Есть у молоканъ и праздники не въ такомъ, конечно, видѣ, какъ это было у древнихъ Евреевъ. Первый праздникъ Пасха. Празднуется эта Пасха, сколько имѣлъ я случаевъ наблюдать, на нашей страстной недѣлѣ въ продолженіи семи дней. Во всѣ эти дни собираются молокане въ избы поочередно и поютъ преимущественно, послѣ обычнаго начала, псалмы 113, 65, а затѣмъ и другіе. Цѣлую недѣлю ничего недѣлаютъ, ходятъ по улицѣ разодѣтые, пищу употребляютъ пѣсную: ѣдятъ напр. пѣсныя лепешки, называя ихъ пѣсняками, пѣсное молоко и

всякое мясо. Второй праздникъ—Пятидесятница. Празднуютъ они этотъ день въ тоже, почти, время какъ и православные. На моленьи, по обычномъ началѣ, поютъ псаломъ: „Вострубите трубою въ новомѣсячіи“... Есть у нихъ праздникъ „Кущей“, но какъ онъ совершается, о томъ я не могъ узнать. Больше этихъ праздниковъ у молоканъ, кажется, нѣтъ. Соблюдаютъ они такъ называемый постъ Есѳири. Въ опредѣленный для этого день молокане собираются въ избу, читаютъ и поютъ, а что именно, о томъ я еще развѣдать не успѣлъ. Замѣчательно то, что молокане весь этотъ день ничего не ѣдятъ, иные даже и слѣдующій день тоже не употребляютъ пищи и, если вѣрить разсказамъ ихъ, то даже пятилѣтніе мальчики и дѣвочки въ этотъ день съ ранняго утра до поздняго вечера говѣютъ.

Изъ обрядовъ болѣе всего замѣчателенъ обрядъ обрѣзанія. Совершается этотъ обрядъ такъ. Муживовъ, недавно совратившихся изъ Православія въ жидовство, обрѣзываютъ вотъ какимъ образомъ. Прежде всего какой-нибудь грамотный молоканинъ, въ присутствіи немногихъ своихъ единовѣрцевъ, толкуетъ желающему обрѣзаться, что, дескать, одного соблюденія субботы и хожденія на разныя моленья недостаточно для спасенія души, а чтобы вполнѣ угодить Богу, для этого нужно обрѣзать крайнюю плоть свою; при этомъ разсказываютъ ему о томъ, какъ Господь повелѣлъ Аврааму обрѣзать себя и всѣхъ своихъ домочадцевъ мужскаго пола. Послѣ этого поятъ желающаго обрѣзаться водкою до тѣхъ поръ, пока—ни языкъ, ни руки, ни ноги не шевелятся; за симъ кладутъ еле-живаго на полъ и, снявши порты, простымъ вострымъ ножомъ отрѣзываютъ крайнюю плоть. Берется за это дѣло всегда одинъ какой-нибудь молоканинъ, отличающійся большимъ хладнокровіемъ—человѣкъ, у котораго, какъ говорится, рука не дрогнетъ. Второй обрядъ—похороны. Умершаго молоканина или молоканку обмываютъ и, одѣвши въ чистое бѣлье, кладутъ въ сосновый гробъ, затѣмъ поютъ псалмы: „Живый въ помощи Вышняго..., Господня земля и исполненіе ея..., Блажени непорочніи“... Наконецъ несутъ тѣло до могилы (кладбище молоканъ вмѣстѣ съ нашимъ) и, зарывши гробъ, отправляются поминать, т.-есть обѣдать. Несшіе гробъ считаются нечистыми

и, въ продолженіи цѣлой недѣли, ѣдятъ и пьютъ отдѣльно отъ своихъ семейныхъ въ особенныхъ чашкахъ. По прошествіи этого времени нечистые омываются простою водою и снова становятся чистыми. Третій обрядъ—бракъ. Во избѣжаніе разныхъ преслѣдованій, каковыя дѣлались въ прежніе времена напримѣръ начальствомъ, молокане сходятся и брачутся ночью.—Это дѣлается такъ. Выводятъ изъ-за перегородки парня и дѣвку и становятъ передъ столомъ. Родители если таковые есть въ живыхъ, брачущимся дѣлаютъ разныя наставленія касательно супружескихъ отношеній, почитанія родителей, исполненія 3 Моисеева и проч.; послѣ этого наметчикъ медленно, внятно читаетъ 4-ю главу книги Товита, за симъ заставляютъ молодыхъ поцѣловаться нѣсколько разъ и идти въ свое мѣсто.

Есть можетъ быть и еще что нибудь замѣчательнаго въ этомъ и другихъ обрядахъ, но молокане, по обычной скрытности своей и подозрительности, не говорили мнѣ ничего болѣе.

Вечерня Молоканская.

Все богослуженіе молоканъ, какъ утреннее такъ и вечернее, состоитъ изъ однихъ псалмовъ. Въ прежнее время, когда они не имѣли возможности достать русской Псалтири, псалмы во время моленья пѣлись и читались по славянской Псалтири, а теперь по русской. Много разъ доводилось мнѣ слушать какъ молокане распѣваютъ псалмы. Трудно опредѣлить, на какой ладъ поютъ они; тутъ и гнусятъ по старовѣрски, и слышатся молитвы заунывной русской пѣсни и просто чтеніе на распѣвъ. Еслибъ я даже хорошо былъ знакомъ съ нотнымъ дѣломъ, то и тогда бы едва ли съумѣлъ переложить на бумагу ихъ странные напѣвы. Всѣхъ богослуженій у нихъ четыре: вечерня въ пятницу вечеромъ, утреня по утру въ субботу, часовъ въ 10 утра обѣдня и, при закатѣ солнца, вечерня. Какъ то разъ принесъ я къ нимъ „Служебникъ" и сталъ объяснять, что они весьма неправильно и напрасно называютъ свои моленія христіанскими названіями, что безконечно велика разница межъ ихъ обѣднею и нашей и въ отвѣтъ на это услышалъ: „что жъ дѣлать, батюшка, мы люди малограмотные,—ужъ съ изстари вѣковъ при-

выкли такъ называть свои моленья". Вотъ какъ они правятъ вечерню пятничную. Старшій запѣвала, ставши въ передній уголъ, произноситъ: „Благословенъ еси Господи Боже отецъ нашихъ, и хвально и прославлено Имя Твое во вѣки"... За симъ начало 24-й главы Іисуса Сына Сирахова: „Премудрость похвалитъ душу свою"..., до половины 3-го стиха, затѣмъ прокинувъ до 22-го стиха читаетъ: „память бо моя сладка паче меда"... продолжая до 28-го. Это называется началомъ. Послѣ этого всѣ вмѣстѣ поютъ: „Господь воцарися"... за этимъ псалмомъ: „Исповѣмся Тебѣ Господи; Живый въ помощи Вышняго;.. Благо есть исповѣдатися Господеви": затѣмъ начетчикъ читаетъ псаломъ: „Блажени непорочніи"..., въ заключенье поютъ: „Се нынѣ благословите Господа вси раби Господни". Объ утрени, обѣднѣ и вечернѣ субботнихъ обѣщались сообщить мнѣ въ другое время.

Образъ жизни Молоканъ.

Молокане такіе-же государственные крестьяне, какъ и православные, также точно пашутъ землю, также платятъ подати и всѣ казенныя повинности Государю и молятся за Него и за всю Августѣйшую Семью, распѣвая псаломъ: „Господи силою Твоею возвеселится Царь"..., такіе-же у нихъ дворы и избы съ маленькимъ, впрочемъ, отличіемъ: у православныхъ въ переднемъ углу устроена божничка—т. е. кивотъ, въ которомъ стоятъ образа, а у молоканъ передній уголъ задернутъ и тамъ всегда можно найти Библію или Псалтирь. Къ чести молоканъ нужно сказать то, что они б. частію грамотны, какъ мужчины такъ и женщины, даже и дѣтей своихъ не стѣсняются отдавать учиться грамотѣ въ наше училище и,—странное дѣло,—изъ нихъ хотя и есть бѣдняки, но нищихъ-побирушекъ нѣтъ, пьяницы рѣдки. Весьма въ недавнее время молокане стали давать дѣтямъ чисто еврейскія имена: Исаія, Моисей, Іосифъ, Рахиль, Ѳамарь, Есоирь. Съ православными живутъ въ ладу и водятъ хлѣбъ соль какъ слѣдуетъ русскому человѣку. Бывая на православныхъ пирушкахъ, ни за что не станутъ ѣсть баранины, потому что рѣзалъ барана христіанинъ, свинины, щучины, сомятины и стерляди. Нѣкоторые впрочемъ болѣе либеральные молокане подъ шумокъ

позволяютъ себѣ ѣсть все, что только подвернется подъ руку. Однажды я принесъ къ нимъ „Требникъ“ и сталъ читать „послѣдованіе вѣнчанія“, молокане слушали съ любопытствомъ и охотно. Закрывъ книгу, я началъ объяснять самую суть таинства и присовокупилъ, что тотъ только бракъ считался и считается, какъ у древняго израиля такъ и у христіанъ, законнымъ, который совершенъ законнопоставленнымъ священникомъ и, стало быть, законны только тѣ дѣти, кои произошли отъ законнаго супружества и, да небудетъ для васъ оскорбительно, если скажу, что дѣти ваши всѣ до единаго незаконнорожденные, потому что у васъ нѣтъ ни первосвященника, какъ это было у Евреевъ, ни священниковъ и левитовъ. Молокане на это умѣли только вотъ что отвѣтить: „были у насъ прежде попы, да знать прогнѣвали мы Господа батюшку —начальство засудило ихъ и услало кого въ острогъ, кого въ Сибирь“. Нѣкоторые молокане изъявляютъ желаніе ходить въ нашу Церковь молиться не иконамъ, конечно, а Богу, но какъ позволить имъ взойти въ храмъ, когда я хорошо знаю, что нѣкоторые православные фанатики тотъ-часъ-же около паперти оговорятъ ихъ: „ты куда прешься, жидовская рожа? убирайся, нехристь, откуда пришелъ, а не то“... Когда я съ прихожанами хожу въ степь молиться о дождѣ,— молокане постятся.

Какія принимались и принимаются мѣры къ обращенію Молоканъ въ Православіе.

Въ то время, когда Царевскій уѣздъ еще принадлежалъ къ Саратовской епархіи, Саратовская Консисторія, выслушавъ рапортъ Балыклейскаго священника объ отпаденіи такихъ-то лицъ изъ Православія въ жидовство, предписывала ему сдѣлать тщательное увѣщаніе отпадшимъ и о послѣдствіяхъ увѣщаній немедленно донести оной. Священникъ, потолковавъ съ молоканами, доносилъ Консисторіи, что всѣ его убѣжденія остались тщетны, и что молокане не хотятъ никогда разстаться съ своими вѣрованіями. Консисторія назначала послѣ этого одного за другимъ миссіонеровъ, прося помощи и содѣйствія у гражданскаго начальства въ дѣлѣ увѣщанія; эти миссіонеры, поговоривъ

съ молоканами и, разумѣется ничего не сдѣлавъ, отправлялись въ свое мѣсто. Разсказывали мнѣ, какъ одинъ задорный старикъ—священникъ увѣщевалъ молоканъ. Зимой велитъ старожу натопить жарко сторожку и пригнать, какъ выражались въ то время, молоканъ для увѣщанія. Молокане, одѣвшись въ тулупы и овчинные полушубки, приходятъ въ сторожку, кланяются батюшкѣ въ поясъ, а онъ, засѣвши въ передній уголъ въ одномъ легенькомъ подрясникѣ, станетъ читать Библію гдѣ раскроется. Эта сцена длится до трехъ и болѣе часовъ. Съ молоканъ потъ льется градомъ, нѣкоторые просятся на дворъ для себя, другіе объявляютъ, что голова кружится,—не тутъ-то было.—„постойте“, говоритъ увѣщеватель, „я вамъ еще прочитаю“. Бывало и такъ. Молоканинъ, пріѣхавъ съ поля въ пятницу домой, велитъ своей бабѣ истопить баню (бани въ приходѣ моемъ топятся б. частію по черному, т. е. дымъ идетъ не въ трубу, а прямо изъ чела въ дверь, коптя стѣны и потолокъ, разносясь высоко въ воздухѣ),—и видитъ священникъ, что молоканинъ затопилъ баню въ непозволенное время, т. есть не въ субботу, ибо въ это только время парятся и моются православные,—сію же минуту черезъ старосту или десятника тащатъ молоканина къ батюшкѣ. „Какъ ты смѣлъ топить баню въ непозволенное время?“ Да батюшка, вамъ вѣдь извѣстно, что мы всегда моемся въ пятницу, потому—у насъ вѣра така. „Нѣтъ, ты съ намѣреніемъ затопилъ; ты поджечь хотѣлъ сосѣда и проч.“ я донесу на тебя становому (становые въ то время были точь-въ-точь татарскіе баскаки) и ты узнаешь что такое острогъ“. Запуганный молоканинъ вызывалъ батюшку въ сѣни и, пошептавъ что-то, отдавалъ золотой. А что дѣлали становые пристава? Получитъ становой бумагу о высылкѣ молоканъ въ Астраханскую Консисторію для увѣщанія и держитъ ее до того времени, когда у мужиковъ начинается рабочее время. Пріѣзжаетъ въ село и черезъ старосту призываетъ на взъѣзжую квартиру молоканъ; объявивъ, что, дескать, пришла бумага отъ начальства, въ которой приказывается сейчасъ-же выгнать васъ въ Консисторію на увѣщаніе, и велитъ имъ завтра же собираться въ путь ничуть не медля, пристукнувъ при этомъ ногой. Для мужиковъ рабочая пора лѣтняя

самое дорогое время, пот. что въ это время день годъ кормитъ, какъ выражаются они. „Ваше Благородіе освободите". Чтобъ готовы были завтра-же, кричитъ баринъ. Молокане выйдутъ на дворъ и, пошептавъ немного, соглашаются дать его благородію по зелененькой (по 3 р. сер.) съ носу, для того чтобъ отсрочилъ путешествіе въ Консисторію до болѣе свободнаго времени.

На третій день какъ я переѣхалъ изъ села Широкаго въ село Валыклейское и еще невидѣлъ ни одного молоканина, каковъ онъ есть, вдругъ являются, по волѣ начальства, два ревизора увѣщевать совратившихся изъ Православія въ жидовство нѣсколько семей. Оо. ревизоры въ точности выполнили указъ, т. е. бесѣдовали съ молоканами въ продолженіе цѣлой недѣли—по два раза въ день и.... Я не хочу быть судьею распоряженій Епархіальнаго Начальства, но все-таки во имя чистой истины принимаю на себя смѣлость замѣтить, что подобное распоряженіе Начальства о высылкѣ ревизоровъ для увѣщанія молоканъ, по цѣли весьма хорошее, на дѣлѣ оказывается совершенно несостоятельнымъ, не приноситъ ни малѣйшей пользы и, прямо можно сказать, причиняетъ болѣе вреда великому дѣлу обращенія молоканъ на путь истины. Говоря это я вовсе недумаю чтобы Епархіальное Начальство не могло выбрать достойныхъ лицъ-ревизоровъ, которые не имѣли-бы ни силы, ни умѣнья успѣшно бесѣдовать съ молоканами. Напротивъ и эти два ревизора были люди знающіе дѣло и могущіе при благопріятныхъ условіяхъ обратить на путь истины не одну заблудшую овцу. Они, напр. весьма убѣдительно доказывали молоканамъ необходимость почитанія иконъ, приводя и свои собственные дѣльные доводы и читая имъ на этотъ предметъ „Камень Вѣры". Но дѣло вотъ въ чемъ: всѣ ихъ убѣжденія въ отношеніи къ молоканамъ оказались мѣдью звенящею и кимваломъ звяцающимъ. Молокане послѣ семидневнаго бесѣдованія съ ними оо. ревизоровъ остались такими-же молоканами, какъ и были прежде, только еще съ большею ненавистью противъ всѣхъ оффиціальныхъ обращателей ихъ въ Православіе. И это очень естественно. Молокане, какъ я уже замѣчалъ выше, народъ в. недовѣрчивый ко всѣмъ вообще, а преимущественно къ духовнымъ и свѣтскимъ влас-

тямъ, весьма запуганъ прежними жестокими преслѣдованіями и потому никогда не войдетъ съ этими людьми въ откровенный разговоръ: молоканинъ вѣчно опасается какъ бы не проронить предъ чиновнымъ лицомъ какого нибудь неосторожнаго и невыгоднаго для Православія слова, за которое его могутъ не малое время потаскать по судамъ, что и было когда-то. Кромѣ того оффиціальные обращатели раздражаютъ противъ себя тѣмъ, что призывая ихъ къ себѣ для увѣщаній, отнимаютъ у нихъ рабочее время, чѣмъ, конечно, приносятъ не малый ущербъ и безъ того скудному крестьянскому хозяйству. Наконецъ развѣ можно какой-нибудь сдѣлать успѣхъ въ такое короткое время, какъ недѣля?— Трудныя застарѣвшія болѣзни нескоро излѣчиваются, а такая болѣзнь, какъ пребываніе молоканъ въ ереси, требуетъ для своего уврачеванія не недѣли, а можетъ быть нѣсколько годовъ.

Всѣ эти обстоятельства были причиною того, что и въ настоящемъ случаѣ молокане в. неохотно слушали наставленія ревизоровъ: одинъ—напр, изъ нихъ нарочито позевывалъ, давая этимъ знать, что для него ничуть неинтересно слушать ихъ убѣжденія; другой среди самаго краснорѣчиваго довода вдругъ прерывалъ проповѣдника словами: „Ваше Высокоблагословеніе, пустите меня: у меня скотина стоитъ безъ корму, мнѣ нужно завтра рано вставать"; третій принуждалъ себя какъ можно громче кашлять и сморкаться, чтобы этимъ заглушить непріятную для него проповѣдь.

Вотъ каковъ бываетъ результатъ всѣхъ тѣхъ увѣщаній, которыя носятъ на себѣ характеръ оффиціальности и чиновничьей формалистики! И такъ, невидно-ли изъ всего этого, что для того, чтобъ имѣть какой-нибудь успѣхъ въ дѣлѣ обращенія молоканъ. необходимо предоставить это дѣло мѣстному священнику, который живя постоянно съ ними, имѣетъ болѣе средствъ къ достиженію этой высокой цѣли.

Св. *Г. В.*

* *Примѣч.* Взглядъ автора на дѣло вѣрный. Къ сожалѣнію, очень немногіе изъ приходскихъ священниковъ его раздѣляютъ, почему и оказывается нужда въ особыхъ миссіонерахъ. Ред.